

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-23

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-6-14

АКТУАЛЬНЫЙ ГРАММАТИКОН ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМА МОДЕЛИРОВАНИЯ

Коновалова Н. И., Красноперова Е. С.

Уральский государственный педагогический университет

620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, Российская Федерация

Аннотация.

Цель данной статьи заключается в исследовании психологической реальности словоформы в сознании языковой личности.

Процедура и методы исследования. Комплексный психолингвистический и когнитивный анализ спонтанных речевых словоупотреблений; метод лонгитюдных наблюдений над детской речью; моделирование ассоциативных полей словоформ и грамматических парадигм на основе экспериментальных данных.

Результаты. В ходе работы были выделены как наиболее частотные словоформы, составляющие ядро языковой системы и несущие на себе основную речевую нагрузку на дальнейших этапах речевого развития, так и «лакуны» в грамматических парадигмах, обнаруживаемые в спонтанной речевой деятельности.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования важны для разработки активного грамматического минимума (актуального грамматикона), что призвано существенно изменить формально-логические процедуры, применяемые в существующих методиках изучения грамматики.

Ключевые слова: актуальная грамматика, психолингвистика, языковое сознание, детская речь

ACTUAL GRAMMATICON OF THE LINGUISTIC PERSONALITY: THE PROBLEM OF MODELING

N. Konovalova, E. Krasnoperova

Ural State Pedagogical University

26 Kosmonavtov pr., Ekaterinburg 620017, Russian Federation

Abstract.

Aim. The article explores the problem of the psychological reality of the word form.

Methodology. This approach involves the use of a complex of psycholinguistic, cognitive and linguistic “tools”: analysis of spontaneous speech word usage; longitudinal observations of children’s speech; modeling of associative fields as so individual word forms and grammatical paradigms based on experimental data.

Results. It outlines a set of genetically early grammatical forms that the child learns in the process of speech and cognitive development, and forms that the child rarely uses at the early stages of the formation of grammatical competence. It has identified both the most frequent word forms, which form the core of the language system and bear the main speech load at further stages of speech

development, and “lacuna” in grammatical paradigms, which the speaker does not use in spontaneous speech activity.

Research implications. The results of the research can be used to develop an active grammatical minimum (actual grammaticon) for teaching Russian, which is intended to significantly change the formal and logical procedures that are used in existing methods of studying grammar.

Keywords: Actual grammar, Psycholinguistics, Language consciousness, Children’s speech

Введение

Современная онто- и психолингвистика, обращённая к исследованию языковой способности человека, к выявлению когнитивных механизмов овладения языком (родным и / или неродным) в процессах речепорождения и речевосприятия, выдвигает на первый план поиск инструментария для обнаружения скрытых от непосредственного наблюдения мыслительных процессов. Актуальность такого поиска едва ли можно переоценить для решения проблем обучения языкам, выявления универсальных механизмов и индивидуальных стратегий обучающихся в ходе интериоризации и дальнейшего использования языка в разных видах речевой деятельности

Речевосприятие и речепорождение – близкие, но нетождественные процессы, исследованию которых посвящены работы по теории перцепции, онтогенеза речевых и когнитивных действий¹ [8; 15], перцепции в культурно-антропологической парадигме [10; 12; 14], ассоциативной символике различных перцептивных кодов [11; 13] и др.

Постановка проблемы

Одним из наиболее сложных аспектов изучения восприятия является обнаружение когнитивных механизмов освоения грамматики, особенно неродного языка. Существующие учебные материалы в основном ориентированы на использование набора формально-логических операций по формированию грамматической ком-

петенции обучающихся (склонение существительных, спряжение глаголов, изменение прилагательных по числам, родам и падежам, заучивание наизусть исключений и т. п.). В результате мы получаем человека, знающего правила и не умеющего их применять в спонтанной речевой деятельности. Более того, значительная часть выученных грамматических форм никогда не будет востребована (ср., например, многие формы причастий и деепричастий, формы косвенных падежей числительных и др.). Объяснить такое положение можно, по-видимому, тем, что грамматика русского языка для русскоязычных обучающихся механически переносится в методики для инофонов. Но, во-первых, русскоязычный ребёнок с начала школьного обучения вообще-то изучает не язык (он им уже владеет), а метаязык описания языковой системы; во-вторых, и для носителей русского языкового сознания эта система избыточна, они в большинстве своём не пользуются ею в полном объёме, кроме того, как справедливо отмечает Ю. Н. Караулов, «... трудно предположить, что способ индивидуального или интериоризированного бытования <грамматики> совпадает с результатами её описания или экстериоризированного бытия и что в сознании (или подсознании?) отдельно взятого носителя грамматика пребывает в виде рядов парадигм и перечня обобщающих правил для построения слов и предложений» [5, с. 5]. Как в таком случае можно представлять грамматику в учебных целях? Если «... анализ динамического соотношения языка-системы и языка-способности связан... с процессом перехода объективно-языковых явлений в явления индивидуальные, психологические и наоборот» [3, с. 83–84], следует, очевидно, обратиться

¹ См.: Гридина Т. А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи: учеб. пособие. М.: Флинта, 2013. 152 с.; Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг: учеб. пособие. М.: Флинта, 2007. 160 с.; Леонтьев А. А. Психология общения: учеб. пособие. М.: Смысл, 2005. 368 с.

к показаниям языкового сознания носителей языка. Важной в этом смысле является идея возможности наблюдения смены языковых систем на каждом этапе онтогенетического развития: «... язык не даётся ребёнку при рождении..., но зато ему дана уникальная способность самостоятельно выстраивать в собственном сознании все компоненты языковой системы (фонологический, морфологический, синтаксический, лексический и ряд иных), а также перестраивать и совершенствовать эту систему в течение всей жизни при взаимодействии с другими людьми» [8, с. 14].

В таком случае можно выдвинуть гипотезу относительно того, что генетически ранние грамматические формы должны составлять ядро активной грамматики, которую и следует вычлнить в первую очередь для определения грамматического минимума на начальных этапах обучения и дальнейшего его расширения на основе корпусных исследований речевых практик. Как известно, словоформам «... присуща разная частота употребления, степень коммуникативной автономии и др. Система словоформ называется парадигмой; это языковой конструкт. Но парадигма каждого слова реализуется в речи со своими особенностями, образуя так называемый грамматический профиль слова»¹. Для сравнения обратим внимание также на идеи вариативности форм выражения разного рода грамматических значений в зависимости от интенций говорящего и слушающего, ситуативного контекста и других параметров речевой ситуации [2; 9].

Цель данного исследования заключается в попытке обнаружить корреляцию генетически первичных грамматических форм, соответственно, в первую очередь востребованных ребёнком в раннем онтогенезе, и частотности этих грамматических форм в ассоциативно-вербальной сети (далее – АВС) говорящего, что представляет психологическую реальность словоформ в сознании языковой личности. Практическим «выходом» работы такого рода может стать

моделирование инварианта актуального грамматикона языковой личности, что позволит решить многие прикладные задачи методики обучения РКИ.

Методология и методы исследования

Анализ языковой системы (или отдельных её фрагментов) невозможен без учёта того, как представлена эта система в сознании её «пользователя». Это обусловило выбор комплексного психолингвистического, когнитивного и лингвометодического «инструментария» исследования: анализ спонтанных речевых словоупотреблений; лонгитюдные наблюдения над детской речью; моделирование ассоциативных полей как отдельных словоформ, так и целых грамматических парадигм на основе экспериментальных данных и их статистической обработки.

Методологически значимым для авторов данной работы представляется постулат относительно соотношения когнитивных и лингвистических механизмов становления и развития языковой личности: «Анализ когнитивных моделей, лежащих в основе постижения детьми грамматики родного языка, является необходимым условием описания психологической реальности этого процесса, в котором следует различать аспекты усвоения материальных показателей грамматических значений и собственно грамматической семантики. В первом случае в детской речи действуют законы аналогии и грамматической сверхгенерализации, во втором – проявляется опора ребёнка на актуальные для его сознания когниции» [4, с. 111]. Выбор таких когнитивных стратегий детьми в процессе овладения языковой системой вполне соотносится с классификацией участников инновационного процесса на «имитаторов..., «повторителей», которые склонны повторять однажды сделанный выбор несколько раз, и инноваторов, наиболее активно принимающих новые идеи» [7, с. 70]. Можно заметить, что результатом речевой деятельности участников всех отмеченных категорий становится

¹ Норман Б. Ю. Жизнь словоформы: учеб. пособие. М.: Флинта, 2015. С. 8.

пополнение узуса нестандартными грамматическими формами разного рода (в зависимости от лингвокогнитивных предпочтений). Предлагаем сравнить в этой связи описание эксперимента по интерпретации семантики экспресsem в зависимости от осмысления их звуковой оболочки по аналогии путём нахождения формально-го сходства с уже освоенными языковыми единицами [1, с. 40].

Эти экспериментальные данные подтверждают ещё один значимый для нашего исследования постулат, сформулированный Т. А. Гридиной по материалам исследований детской речи: «Грамматические образцы, явленные в словоформе, закрепляются вместе с актуальным значением данной словоформы – в опоре на некий предметный эталон и формальный образец (освоенный аналог)» [4, с. 112]. В таком случае наиболее частотными в детской речи естественным образом оказываются как первично освоенные словоформы, так и собственно грамматические инновации, сконструированные ребёнком (при незнании узальной единицы) по модели известных ему единиц в результате действия механизма сверхгенерализации. Если первые демонстрируют ядро грамматической системы в сознании ребёнка определённого возраста, то последние – необходимость в выражении какого-либо грамматического значения в ситуации номинативного дефицита.

Основные результаты исследования

Лонгитюдные исследования детской речи обнаруживают первые грамматические оппозиции в детской речи, среди которых отмечаются «противопоставление единственного числа множественному, именительного падежа винительному, настоящего времени прошедшему; ... первые глагольные формы: инфинитив и императив»¹; абсолютное доминирование форм 3-го л. ед. ч. и практически полное отсутствие форм 2-го л. ед. ч. и мн. ч.

¹ Гридина Т. А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи: учеб. пособие. М.: Флинта, 2013. С. 10–11.

Последнее, вероятно, можно объяснить эгоцентризмом детской речи, отсутствием в период раннего речевого онтогенеза социализации, доминированием в инпуте так называемого «языка нянь» (обращение к ребёнку с использованием форм 3-го л., типа *Маша будет кушать? Петя пойдёт гулять?*). Можно предположить, что полная парадигма не «собирается» из спонтанных речевых словоупотреблений даже к началу систематического курса русского языка в школе.

Рассмотрим, как отмеченные грамматические формы существительных и глаголов, составляющие ядро детского грамматикона от двух до пяти лет, представлены в ассоциативно-вербальной сети взрослого носителя русской лингвокультуры. Для этого обратимся к ассоциативной грамматике, определяемой как «грамматика речевой деятельности, намерений, тенденций и готовностей говорящего», что «позволяет нам рассматривать ряд словоупотреблений конкретного слова в речи носителей языка как серию одномоментных фиксаций состояния ассоциативно-вербальной сети, её определённого участка» [5, с. 7].

Результаты массовых психолингвистических экспериментов представлены в «Русском ассоциативном словаре» (далее – РАС) в виде ассоциативных полей, которые определяют, в частности, «как функциональную систему актуального доминантного смысла, репрезентированного лексически» [3, с. 84]. Добавим: не только лексически, поскольку реакции на стимул могут быть представлены и фразеологическими единицами, и высказываниями, в том числе прецедентными. Кроме того, ассоциативная доминанта может моделироваться не только эксплицитными реакциями, но и выводимыми импликатурами, особенно в случаях с грамматическими значениями, например, через формальные аналогии.

Существительные. На первый взгляд может показаться, что абсолютное доминирование И. п. в РАС предопределено наборами стимулов: существительные в лексикографической практике принято давать в начальной форме (И. п., ед. ч.). Однако

авторы РАС учли тот факт, что представленная в нём ABC (ассоциативно-вербальная сеть) является предречевой базой любого высказывания с использованием единиц языковой системы со всеми её словоизменительными особенностями. Не случайно поэтому в число стимулов включены формы косвенных падежей существительных и омоформы / омографы (ударение в стимуле не ставится, и респонденты могут давать реакции на актуальную для них грамматическую форму), например: *судьба* и *судьбы* (*судьбы* – Р. п., ед. ч. или *сУдьбы* – И. п., мн. ч.). Значительную часть списка стимулов составляют предложно-падежные формы существительных: *дело* и *в дело*, *в деле*, *на ногах*, *на ноге* и т. п., вокруг которых формируются разные, хотя и пересекающиеся ассоциативные поля в силу разных синтаксических валентностей словоформ. Кроме того, существенную часть стимулов составляют глаголы, которые управляют существительными, поэтому ожидаемыми синтагматическими реакциями являются словоформы косвенных падежей: *быть* – *вне ведения*, *без денег* – Р. п., *беде*, *дождю* – Д. п., *человеком*, *другом*, *дураком* – Т. п., *в форме*, *в гостях*, *в городе* – П. п. Можно, следовательно, считать обоснованным вывод о высокой частотности в ABC грамматических форм существительных в И. п., В. п. и низкой частотности форм Т. п. и особенно Д. п. [5; 6].

Глаголы. В списке стимулов РАС глаголы представлены как в инфинитиве, так и в личных формах, причём некоторые – практически в полных парадигмах, например: *взять*, *возьму*, *возьмёшь*, *возьмёт*, *возьмём*, *возьмёте*, *возьмут*, *взял*, *взяла*, *взяли* (отсутствует только форма ср. р. прош. вр., но ср. р. в грамматических парадигмах всех частей речи является периферийным). Соответственно, в ассоциативных полях с глаголами-стимулами ожидаемо появляются формально-структурные ассоциации в тех же грамматических формах. Кроме того, в список стимулов вошли все личные местоимения, причём как в И. п., так и в косвенных падежах, что закономерно даёт многочисленные реакции синтагматического типа (*я люблю*, *ты знаешь*, *он идёт*, *мы пришли*

и т. п.). Это даёт основание считать выборку репрезентативной, чтобы оценивать как достоверный вывод о низкой частотности в ABC форм 2-го л. глагола, что вполне коррелирует с данными детской речи. Отмеченное автором «Ассоциативной грамматики...» Ю. Н. Карауловым преобладание форм 3-го лица объясняется его «известной нейтральностью, немаркированностью» [5, с. 37–38]. Далее продемонстрируем статус грамматических форм существительных по частотности их употребления в разных речевых практиках по данным НКРЯ¹ с использованием материалов основного корпуса со снятой омонимией (табл. 1).

Можно отметить, что данные НКРЯ коррелируют с показателями востребованности падежных форм существительных в детской речи и в ABC: существенно «отрываются» от своих партнёров по грамматической парадигме И. п. и В. п. (последний меняется статусом с Р. п. в некоторых подкорпусах), а также формы ед. ч. от форм мн. ч. Особенно показательными являются формы Д. п., занимающие периферию парадигмы, в большинстве контекстов они выступают не в основном значении адресата, а в значении субъекта восприятия, где они конкурируют с базовым для выражения этой синтаксической функции И. п. (ср. возможность замены: *картографу показало*, *охотнику послышалось* – *картограф представил*, *вообразил*; *охотник услышал*).

Что касается личных глагольных форм, все отмеченные выше тенденции находят отражение в НКРЯ. В особых комментариях нуждаются лишь формы 2-го лица (табл. 2).

Низкая частотность форм 2-го лица глагола, отмеченная в РАС, находит своё подтверждение и в НКРЯ: во всех коммуникативных сферах количество словоупотреблений менее 1%. Функция поддержания коммуникации (или её иллюзии) определяет для говорящего выбор этих форм при порождении текста определённой функциональной сферы, в частности, несколько выше процент словоупотреблений в сферах электронной коммуникации,

¹ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 01.04.2020).

Таблица 1 / Table 1

**Частота употребления падежных форм существительных
(в порядке убывания частотности)**

The frequency of use of case forms of nouns (in descending order of frequency)

ГФ ед. ч.	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*	ГФ мн. ч.	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений*
И. п.	422239	7,03	Р. п.	130029	2,16
Р. п.	325358	5,42	И. п.	96799	1,61
В. п.	255241	4,25	В. п.	73521	1,22
П. п.	139888	2,33	Т. п.	38348	0,64
Т. п.	119090	1,98	П. п.	31623	0,52
Д. п.	70127	1,17	Д. п.	19517	0,32

Источник: таблица составлена авторами статьи по материалам НКРЯ¹. Общий объём выборки корпуса со снятой омонимией – 6 003 397 слов.

Таблица 2 / Table 2

**Частота употребления форм 2-го лица (в порядке убывания)
Frequency of use of 2nd person forms (in descending order)**

Подкорпус (функциональная сфера)	Объём подкорпуса (количество слов)	Количество вхождений	% от общего количества словоупотреблений
Электронная коммуникация	120 294	429	0,36
Художественные тексты	3 557 693	12189	0,34
Церковно-богословская	63 242	134	0,21
Обиходно-бытовая	67 225	116	0,17
Публицистика	1 546 367	1969	0,13
Реклама	24 296	28	0,12
Официально-деловая	74 216	27	0,04
Учебно-научная	546 513	162	0,03

Источник: таблица составлена авторами статьи по материалам НКРЯ².

художественных текстах, церковно-богословской. Такие коммуникативные предпочтения объясняются тем, что «... парадигма, в которую входит словоформа, – не только научный конструкт, но и психологическая реальность в сознании носителя языка. ... Вся парадигма слова в нашем сознании определяется набором тех ролей, которые слово выполняет в речи»³.

¹ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 01.04.2020).

² Там же.

³ Норман Б. Ю. Жизнь словоформы: учеб. пособие. М.: Флинта, 2015. С. 23–24.

Заключение

В целом можно считать, что выдвинутая гипотеза нашла подтверждение фактами Национального корпуса русского языка⁴ и экспериментальными данными, представленными в Русском ассоциативном словаре [6]: генетически первичные грамматические формы оказываются ядерными в ассоциативно-вербальной сети говорящего. Безусловно, мы отдаём себе отчёт в том, что наличие подобных корреляций не может однозначно считаться доказа-

⁴ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 01.04.2020).

тельством причинно-следственных связей между исследуемыми феноменами, для более точной интерпретации ядерно-периферийного статуса грамматических форм в грамматиконе нужно учитывать множество дополнительных переменных, связанных как с индивидуально-психологическими особенностями языковой личности, так и с другими фрагментами языковой системы. Тем не менее на данном этапе исследования предложенная нами комплексная процедура исследования психологической реальности словоформ в сознании *homo loquens* (человека говорящего) «подсказывает» некоторую последовательность методологически значимых шагов для моделирования актуального грамматикона:

1. Выявление наиболее востребованных на разных этапах речевого онтогенеза словоформ, создающих базу стадияльной динамики функциональных грамматических систем, сменяющих одна другую в процессе когнитивного и речевого развития ребёнка.

2. Нахождение так называемых «лакун» в грамматических парадигмах разных частей речи, не заполненных ребёнком в раннем онтогенезе (такие формы имеют не меньшую значимость для определения

ядерно-периферийного статуса словоформы в детском грамматиконе).

3. Обнаружение индивидуальных стратегий восполнения детьми одного возраста грамматических лакун, что объясняется, с одной стороны, недостаточной сформированностью грамматической компетенции, с другой – потребностью в использовании таких форм (так называемые грамматические инновации).

4. Анализ представленности конкорданса описываемых форм будущего (предполагаемого) грамматикона в ассоциативно-вербальной сети по данным психолингвистических экспериментов.

5. Корпусные исследования спонтанных словоупотреблений с заданным набором грамматических признаков в разных функциональных сферах речевой деятельности для выявления степени частотности анализируемых словоформ.

6. Учёт синтаксической активности словоформы – основной принцип ограничения конкорданса на заключительном этапе моделирования актуального грамматикона языковой личности.

Статья поступила в редакцию 20.04.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваулина И. А. Фоносемантический компонент значения слова в свете экспериментальных данных // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2016. № 14. С. 33–47.
2. Герасименко Н. А. Семантика предикативного признака в предложениях с субстантивами в роли сказуемого // Русский язык в школе. 1997. № 5. С. 83–87.
3. Голев Н. Д., Шкуропацкая М. Г. Ассоциативное измерение системных отношений в лексике: некоторые результаты и перспективы // Языковая личность: аспекты изучения. Сб. научных статей памяти члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова / под ред. И. В. Ружицкого и Е. В. Потёмкиной. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 82–100.
4. Гридина Т. А. Актуальная грамматика детской речи: когнитивные модели семантизации и механизмы порождения словоформ // Языковая личность: аспекты изучения. Сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова / под ред. И. В. Ружицкого и Е. В. Потёмкиной. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 110–122.
5. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. 330 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Т. I. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель: АСТ, 2002. С. 750–782.
7. Минюрова С. А. Человек креативный и / или инновационный? // Лингвистика креатива. Коллективная моногр. Отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург, 2009. С. 59–77.
8. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
9. Шаповалова Т. Е. К проблеме осложнения простого предложения // Семантическая структура

- слова и высказывания: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1993. С. 115–120.
10. Aikhenvald A. Y., Storch A. (eds.) Perception and Cognition in Language and Culture. Leideb, Boston, Brill, 2013. 279 p.
 11. Chandler D. Semiotics: The Basics. London, Routledge, 2007. 273 p.
 12. Classen C. The Deepest Sense: A Cultural History of Touch. Urbana, Univ. of Illinois press, 2012. 320 p.
 13. Hickson M., Don W. Stacks, Nina-Jo Moore. Nonverbal Communication: Studies and Applications. Oxford University Press, 2003. 503 p.
 14. Norman B. Yu. The Russian Pronoun My: its Internal Dramatics // Russian Linguistics. 2002. T. 26. № 2. P. 217–234.
 15. Rookes P., Willson J. Perception: Theory, Development and Organization. London and Philadelphia, Routledge, 2000. 141 p.

REFERENCES

1. Vaulina I. A. *Fonosemanticheskij komponent znacheniya slova v svete eksperimental'nyh dannyh* [Phonosematic component of word meaning in the light of experimental data]. In: *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti*, 2016, no. 14, pp. 33–47.
2. Gerasimenko N. A. *Semantika predikativnogo priznaka v predlozheniyah s substantivami v roli skazuemogo* [The semantics of the predicative basis of proposals from substantive in the role of the predicate]. In: *Russkii yazyk v shkole*, 1997, no. 5, pp. 83–87.
3. Golev N. D., Shkurovatskaya M. G. *Assotsiativnoe izmerenie sistemnykh otnoshenii v leksike: nekotorye rezul'taty i perspektivy* [The associative dimension of systemic relations in the lexicon: some results and prospects]. In: [Linguistic personality: aspects of the study. Collection of scientific papers in memory of corresponding member of RAS Yu. N. Karaulov / under the editorship of I. V. Ruzhitsky, and E. V. Potemkina]. Moscow, MAKS Press Publ., 2017, pp. 82–100.
4. Gridina T. A. *Aktual'naya grammatika detskoj rechi: kognitivnye modeli semantizatsii i mekhanizmy porozhdeniya slovoform* [Relevant grammar child language: a cognitive model semantics and the mechanisms of generation of word forms]. In: [Linguistic personality: aspects of the study. Collection of scientific papers in memory of corresponding member of RAS Yuri Nikolaevich Karaulov, ed. by I. V. Ruzhitsky, and E. V. Potemkina]. Moscow, MAKS Press Publ., 2017, pp. 110–122.
5. Karaulov Yu. N. *Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka* [The associative grammar of the Russian language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1993. 330 p.
6. Karaulov Yu. N. *Russkii assotsiativnyi slovar' kak novyi lingvisticheskii istochnik i instrument analiza yazykovoï sposobnosti* [Russian associative dictionary as a new linguistic source and the tool of the analysis of language ability]. In: *Russkii assotsiativnyi slovar'. T. I. Ot stimula k reaktivnoi* [Russian associative dictionary. Vol. I. From stimulus to response] / Yu. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov]. Moscow, Astrel, AST Publ., 2002, pp. 750–782.
7. Minyurova S. A. *Chelovek kreativnyi i / ili innovatsionnyi?* [The person is creative and / or innovative?]. In: *Lingvistika kreativa. Kollektivnaya monogr.* [Linguistics creativity. Collective monograph. Resp. edited by T. A. Gridina]. Ekaterinburg, 2009, pp. 59–77.
8. Tseitlin S. N. *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays on the formation and shaping in children]. Moscow, Znak Publ., 2009. 592 p.
9. Shapovalova T. E. *K probleme oslozhneniya prostogo predlozheniya* [The problem complications simple sentences]. In: *Semanticheskaya struktura slova i vyskazyvaniya: Mezhuversovskii sbornik nauchnykh trudov* [Semantic structure of words and statements: interuniversity collection of scientific papers]. Moscow, 1993, pp. 115–120.
10. Aikhenvald A. Y., Storch A. (eds.) Perception and Cognition in Language and Culture. Leideb, Boston, Brill, 2013. 279 p.
11. Chandler D. Semiotics: The Basics. London, Routledge, 2007. 273 p.
12. Classen C. The Deepest Sense: A Cultural History of Touch. Urbana, Univ. of Illinois press, 2012. 320 p.
13. Hickson M., Don W. Stacks, Nina-Jo Moore. Nonverbal Communication: Studies and Applications. Oxford University Press, 2003. 503 p.
14. Norman B. Yu. The Russian Pronoun My: its Internal Dramatics // Russian Linguistics. 2002. T. 26. № 2. P. 217–234.
15. Rookes P., Willson J. Perception: Theory, Development and Organization. London and Philadelphia, Routledge, 2000. 141 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета; e-mail: sakralist@mail.ru

Красноперова Евгения Сергеевна – документовед центра «Подготовительное отделение и сопровождение иностранных обучающихся» Уральского государственного педагогического университета; e-mail: evgenia113@gmail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda I. Konovalova – Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of General linguistics and Russian language, Ural State Pedagogical University; e-mail: sakralist@mail.ru

Evgenia S. Krasnoperova – Document specialist, the Center for Training foreign students, Ural State Pedagogical University; e-mail: evgenia113@gmail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коновалова Н. И., Красноперова Е. С. Актуальный грамматикон языковой личности: проблема моделирования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 6–14.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-6-14

FOR CITATION

Konovalova N. I., Krasnoperova E. S. Actual grammaticon of the linguistic persona: the problem of modeling. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology, 2020, no. 3, pp. 6–14.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-6-14